

По Монголии до границъ Тибета.

Глава XVI¹⁾.

Изъ горъ въ пустыню.

Монастырь Чойбээнъ и путь въ Чортэнтанъ; трехдневное здѣсь пребываніе.—Переходъ въ новооткрытый городокъ Куанъ-гоу-ченъ.—Алашанская пустыня.—Пески Сэрха.—Гибель собаки Гарзы.—Городъ Дынъ-юанъ-инъ.—Монгольское княжество Алашанъ или Алаша.—Очеркъ его обитателей.—Въ гостяхъ у Цинъ-вана.

Чойбээнскій гэгэнъ все еще отсутствовалъ, хотя, по словамъ его нирвы, за хутухтой посланы подводы и онъ здѣсь ожидался, примѣрно, черезъ два-три мѣсяца. Знакомый нирва встрѣтилъ и пріютилъ моихъ спутниковъ такъ же любезно и предупредительно, какъ и въ предыдущій разъ.

На слѣдующее утро, 1-го сентября, экспедиція выступила по направленію къ Чортэнтану.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1912 г., № 11.

Какъ и въ передній путь, такъ и теперь маршрутъ экспедиціи пролегалъ по переваламъ Тэпа и Шугъ-ламъ, у подножій выдѣляющихся вершинъ Шахэръ и Ртакъ-цанъ. Каравану приходилось опять то подниматься на кручи и слѣдовать вдоль опасныхъ карнизовъ, то спускаться на дно глубокихъ ущелій и переправляться въ бродъ черезъ ручьи и рѣчки. Горы почти все время были скрыты густыми облаками; дни были непріятные сѣрые, напоминавшіе нашу ненастную осень. Это лѣто было здѣсь особенно богато атмосферными осадками; тропинки нѣсколько разъ размывались и вновь исправлялись. Нашему отряду въ этомъ отношеніи пришлось также поработать не мало, а мнѣ лично поболѣть душою при видѣ, какъ неувѣренно пробирается караванъ по скользкому глинистому обрыву: того и гляди, что полетитъ тотъ или другой выюкъ съ коллекціями или инструментами и въ одинъ несчастный мигъ... страшно подумать... всѣ труды пропадутъ даромъ; такого рода несчастья никогда не забудешь. Чтобы отвлечь напряженное вниманіе отъ каравана, невольно переводишь взглядъ въ другую сторону, гдѣ залегаютъ еще болѣе дикій хаосъ горъ, расчлененныхъ множествомъ ущелій; самую величественную гору изъ окрестнаго сонма громадъ—Рангхта намъ удалось увидѣть только однажды, въ незначительный ясный проблескъ; она была покрыта снѣгомъ и небольшими клочками кучевыхъ облаковъ.

Спускаясь съ перевала Тэпа, мы были встрѣчены компаніей ламъ, среди которыхъ оказался хутухта ближайшаго монастыря Гань-чянь-гомба — Ндань-ма-лама, пожелавшій съ нами непременно познакомиться и пригласить насъ къ себѣ на нѣсколько дней съ цѣлью поохотиться въ его лѣсахъ.

Монастырь Гань-чянь-гомба запрятанъ въ живописномъ ущельѣ, въ глубинѣ горъ. Монастырскія постройки лѣпятся по крутому скату, поросшему лѣсомъ и кустарникомъ. По дну ущелья грохочетъ и пѣнится небольшая рѣченка общаго съ монастыремъ названія.

Современный гэгэнъ состоитъ въ восьмомъ перерожденіи и считается четвертымъ по старшинству изъ всѣхъ восемнадцати чортэнтанскихъ хутухтъ. Молчаливый, сосредоточенный и крайне нервный Ндань-ма-лама занятъ совершенно отвлеченной мыслью, а именно созданиемъ еще болѣе усовершенствованнаго типа европейской военной пятизарядной винтовки! Новѣйшія ружья вообще—страсть перерожденца, и онъ уже имѣетъ двѣ скорострѣлки герман-

скаго и австрійскаго образцовъ. Куда бы гэгэнъ ни слѣдовалъ, всюду ему сопутствуютъ нѣсколько человекъ подчиненныхъ ламт, имѣющихъ за плечами одно или два ружья, изъ которыхъ отъ времени до времени хутухта пострѣливаетъ. Внимательно осмотрѣвъ нашу трехлинейную винтовку, любознательный гэгэнъ спросилъ: «чѣмъ же былъ награжденъ ея изобрѣтатель»? Получивъ надлежащій отвѣтъ, хутухта замѣтилъ: «а я уже придумалъ типъ ружья, которое будетъ бить на разстояніе въ три раза большее, нежели бьетъ ваша винтовка, но къ сожалѣнію у меня подъ руками нѣтъ ни надлежащихъ приспособленій, ни достойныхъ помощниковъ, которые были бы въ состояніи помочь мнѣ воплотить идею». Гэгэнъ съ большимъ интересомъ относился также и ко всякаго рода европейскимъ вещамъ, въ особенности къ астрономическимъ часамъ и другимъ научнымъ инструментамъ. Не знаю, какъ хутухта относится къ своимъ прямымъ обязанностямъ, но, видя съ какимъ благоговѣніемъ подходили къ нему его единовѣрцы и молились не только самому хутухтѣ, но и его сѣдлу, въ правѣ заключить, что подобающимъ образомъ.

У этого гэгэна я также видѣлъ портретъ Н. М. Пржевальскаго, о которомъ, повторяю, старѣйшіе ламы чортэнтанскаго раіона хранятъ самое лучшее воспоминаніе. На прощанье Ндань-ма-лама преподнесъ мнѣ золоченаго бурхана.

Время, проведенное нами на правомъ берегу Тэтунга, промелькнуло незамѣтно. Эта могучая рѣка вздулась, ревѣла, бурлила и пѣнилась, высоко поднимая радужныя брызги у залежавшихъ на ея галечномъ днѣ гигантскихъ валуновъ. О существующей въ другое время года переправѣ черезъ эту рѣку въ бродъ какъ-то не вѣрилось: теперь глубина брода превышала сажень. Съ помощью тангутовъ мы соорудили бревенчатый плотъ, настлали его досками и понемногу перевезли весь свой багажъ и верблюдовъ. Одновременно нашъ плотъ поднималъ четырехъ верблюдовъ и шестерыхъ человекъ казаковъ, которые, уложивъ животныхъ и связавъ имъ ноги, придерживали ихъ, кромѣ того, за бурундуки или поводья; тѣмъ не менѣе въ одинъ изъ рейсовъ чуть-чуть не приключилась бѣда: по срединѣ бурной рѣки плотъ вдругъ накренился, два верблюда свалились въ Тэтунгъ, увлекая за собою и двухъ людей—тангута и Мадаева. Минута была ужасная; ревъ верблюдовъ, крикъ гребцовъ и пловцовъ и полное онѣмѣніе стоящихъ на берегахъ. Сильнымъ теченіемъ понесло внизъ и плотъ, и

животныхъ, и людей; вотъ ихъ еще разъ качнуло и обдало волной; тѣмъ временемъ гребцы оправились и дружно налегли «къ берегу»; еще двѣ—три минуты и ужасъ исчезъ; счастье и на этотъ разъ насъ не покинуло; и на этотъ разъ нашъ Мадаевъ остался невредимъ, несмотря на то, что не умѣлъ плавать.

Гора Шахэръ, прорѣзавъ кучевое облако, гордо возносила къ небу. У ея подножья съ одной стороны катились грозныя волны Тэтунга, съ другой—располагались уютныя домики земледѣльцевъ, заканчивавшихъ уборку хлѣба.

Въ два слѣдующихъ дня, пятого и шестого августа, экспедиція перенесла свой бивакъ въ Чортэнтапъ. На протяженіи большей половины пути ея, маршрутъ вновь описывалъ гигантскую волну, пересѣкая рядъ горныхъ отроговъ, съ которыхъ путникъ могъ наблюдать красивыя широкіе виды, заполненные богатою растительностью. Съ глубинъ ущелій въ красивомъ безпорядкѣ взгромождались одна на другую дикія сѣрыя скалы, по которымъ кое-гдѣ торчали жалкія деревца ели и можжевельника; отъ самыхъ высокихъ или командующихъ вершинъ въ свою очередь сбѣгали каменныя розсыпи; выше же всего, въ ярко-синемъ небѣ, плавно кружились снѣжные грифы, бородатые ягнятники и звонко клектавшіе на просторѣ орлы-беркута. Верхній поясъ съ полуденной стороны отливалъ увядшимъ тономъ альпійскихъ луговъ, средній—пожелтѣвшими кустарниками, въ нижнемъ же или лѣсномъ поясѣ попрежнему преобладалъ темнозеленый колоритъ. Лѣсныя пернатые продолжали скрываться отъ взоровъ охотниковъ. И только на одномъ изъ многочисленныхъ второстепенныхъ переваловъ, въ ожиданіи каравана, мнѣ посчастливилось замѣтить порядочный выводокъ голубыхъ фазановъ, вышедшихъ изъ лѣсу на освѣщенный солнцемъ луговой пригорокъ. Въ густой, высокой травѣ птицы хорошо скрывались за исключеніемъ красиво изогнутыхъ головъ, по которымъ только и можно было ихъ обнаружить. Прицѣпившись въ фазановъ, я выпустилъ въ нихъ зарядъ дроби; дымъ выстрѣла, громкимъ эхомъ откликнувшася въ скалахъ, повисъ надолго въ воздухѣ, и птицы незамѣтно улетѣли, за исключеніемъ четырехъ, поступившихъ въ нашу орнитологическую коллекцію.

Меньшая часть пути пролегла хорошо изученнымъ ущельемъ Мэторъ, гдѣ насъ догналъ нашъ старый знакомый Цорджи-лама—свѣтскій управитель Чортэнтана. Неожиданная встрѣча вызвала съ обѣихъ сторонъ неподдѣльную радость. Цорджи-лама забрасы-

валь насъ вопросами о Тибетѣ, о нашемъ странствованіи; мы же съ своей стороны разспрашивали его, какъ онъ сохранилъ наши коллекціи и что теперь происходитъ въ ближайшихъ, населенныхъ китайцами, пунктахъ. Въ отвѣтъ на наши вопросы свѣтскій управитель, послѣ нѣкотораго молчанія, сталъ энергично излагать слѣдующее: «За цѣлость вашего имущества, я нравственно перестрадалъ не мало. Лишь только начались волненія въ Китаѣ, ко мнѣ въ монастырь собралось нѣсколько человѣкъ нашихъ тангутовъ съ строгимъ запросомъ: вѣдомо ли мнѣ, что я принялъ отъ русскихъ на храненіе? не находятся ли въ ихъ ящикахъ разрывные снаряды, отъ дѣйствія которыхъ нашъ монастырь взлетитъ на воздухъ? Чтобы не произошло какой-либо бѣды, продолжали тангуты, мы рѣшили имущество русскихъ выбросить въ рѣку!— Ни угрозы, ни увѣщанія, ничто, говорилъ Цорчжи-лама, не могло удержать расходившихся буяновъ; они стояли на своемъ и требовали выдачи вашихъ ящиковъ для своей цѣли. И только одно мое иносказательное согласіе спасло ваши коллекціи:—хорошо, замѣтилъ я, видимо съ вами не сговоришься, берите ящики, принадлежащіе русскимъ; вы, вѣроятно, думаете, что они дѣйствительно всѣ перебиты въ Тибетѣ; но помните, если русскіе придутъ снова въ Чортэнтанъ и спросятъ свое имущество, то вы, а никто другой, явитесь отвѣтчиками! Принявъ на храненіе отъ русскихъ ихъ багажъ, я выдалъ имъ въ томъ письменное обязательство, въ силу котораго Россія всегда въ правѣ спросить съ нашего монастыря то, что намъ временно было оставлено русской экспедиціей! Послѣ этого страсти моихъ подчиненныхъ мірянъ улеглись. Тѣмъ временемъ военныя событія на Востока стали затихать, а вѣсти о нашемъ приходѣ въ Сининъ учащаются, и струсившіе тангуты спрятались по щелямъ. Послѣ европейско-китайской войны престижъ или обаяніе вашей родины, ея могущество и сила, стали еще болѣе высокими. Китайцы поняли и лучшимъ образомъ доказали вамъ это своимъ привѣтомъ въ Сининѣ».

Придя въ Чортэнтанъ мы расположились на лѣвомъ берегу красавца Тэтунга, напротивъ прежней нашей стоянки, въ виду заманчивыхъ лѣсныхъ ущелій. Вблизи насъ разстилался тополе-вый вѣковой лѣсъ, еще ближе монотонно шумѣла и плескалась рѣка.

Сколько лучшихъ воспоминаній вновь пробудилъ во мнѣ Тэтунгъ! На этихъ самыхъ берегахъ я впервые понялъ высокую пре-

лестъ путешествія въ Центральной Азіи; на этихъ самыхъ берегахъ я прислушивался къ заманчивымъ рассказамъ моего незабвеннаго учителя о Камѣ; среди этой же обстановки я отдыхалъ послѣ пустыни Гоби, идя въ передній путь. Теперь я вновь на этихъ берегахъ, еще болѣе чарующихъ меня обаятельной лаской природы и отрадно воскрешающихъ во мнѣ на мѣстѣ живой образъ ея перваго изслѣдователя...

Въ день прихода въ Чортэнтанъ, мы доставили на бивакъ наше имущество, образцово сбереженное монастыремъ. Каждый изъ насъ нашелъ здѣсь личный запасъ платья, бѣлья и послѣ обстоятельнаго мытья съ удовольствіемъ одѣлся во все новое, свѣжее. Первое время мы даже не сразу узнавали другъ друга, замѣчая со смѣхомъ: «всѣ стали господами». Припрятанныя на днѣ ящичковъ заѣдочки и усладенки также пришлись намъ какъ нельзя болѣе кстати. Словомъ, приходъ въ Чортэнтанъ для экспедиціи былъ великимъ праздникомъ. Наши друзья ламы еще болѣе способствовали подобному радостному настроенію. Они насъ встрѣтили словно самыхъ близкихъ родныхъ, участливо разспрашивая не только о путешествіи по «странѣ ламъ и монастырей», но и о томъ, что намъ извѣстно изъ писемъ о нашей родинѣ, о нашихъ родныхъ. Эти люди, казалось, всецѣло отдались намъ—и радовались, и горевали неподдѣльно вмѣстѣ съ нами; свое личное я, на время нашего пребыванія, было ими забыто.

Десятаго сентября нашъ караванъ покинулъ монастырь Чортэнтанъ. Ламы вышли проводить и напутствовать экспедицію, принеся ей въ даръ интересную тибетскую книгу «Исторію царей Тибета», сочиненіе пятаго далай-ламы. Гэгэнъ ганьчянскаго монастыря—Нданъ-ма-лама не утерпѣлъ, чтобы еще разъ не повидаться съ нами и не предложить намъ дополнительныхъ вопросовъ, касающихся новѣйшихъ военныхъ ружей, бездымнаго пороха, штыковъ и вообще холоднаго оружія. Прощаніе съ этимъ и другими тремя старѣйшими ламами Чортэнтана было самое трогательное. Цорьчи-лама, въ званіи свѣтскаго управителя, добровольно вызвался проводить насъ до Ча-коу-и чтобы помочь намъ устроиться въ дальнѣйшій путь.

Въ привѣтливыхъ долинахъ восточнаго Нань-шаня группировались китайцы и осѣдлые тангуты, въ мѣстахъ же болѣе дикихъ проживали исключительно кочевники. Горныя богатства ущелій южнаго склона разсматриваемыхъ горъ эксплуатировались китай-

Караванъ въ горахъ восточнаго Нань-Шаня.

цами и дунганами; первые разрабатывали каменный уголь, вторые были заняты добычей золота.

По мѣрѣ поднятія на хребетъ Сѣверо-тэтунгскій дорога улучшалась, и мы безъ дождя удачно, хотя и очень медленно, поднялись на переваль У-да-линь, ведущій въ ущелье Ярлынь-голь. Спускаться же по сѣверному склону намъ пришлось иною, нежели въ передній путь, болѣе кружною дорогою, въ обходъ крайне размытыхъ ливнями горныхъ тропинокъ; на этомъ добавочномъ боковомъ пути мы долгое время слѣдовали въ области альпійскихъ луговъ, осиливъ переваль Кир-хноп-па, поднятый надъ моремъ на 11.270 футовъ. Съ вершинъ второстепенныхъ отроговъ открываются красивые горные ландшафты: внизу мирно пасутся стада домашняго скота; сверху, въ трудно доступныхъ скалистыхъ вершинахъ, робко наблюдаютъ за проходящимъ караваномъ олени и куку-яманы; подлѣ васъ съ дребезжащимъ шумомъ кружить бородастый ягнятникъ: вы видите его красивую голову, иногда повертываемую въ ту или другую сторону. Не вѣрилось, что съ подобнаго рода величественными картинами природы Центральной Азіи мы уже прощались. Впереди на сѣверѣ нѣжная голубая окраска неба переходила въ сѣрую дымчатую, характеризующую присутствие пустыни...

Большая, хорошо содержимая дорога, вблизи которой мы вскорѣ расположились, была густо заселена и также оживлена, какъ и въ передній путь, когда мы слѣдовали отъ Лянъ-чжоу.

Вечеромъ, 14-го сентября, наканунѣ выступленія въ дальнѣйшій путь, явились ожидаемыя подводы и были доставлены предметы продовольствія. Миссія Цорчжи-ламы считалась оконченной, и онъ пришелъ съ нами проститься. При дружескомъ разставаніи монахъ растрогался: крупныя слезы полились изъ его темныхъ глазъ, еще минута и онъ... зарыдалъ. Подобнаго рода слезы я видѣлъ у туземцевъ впервые; они на меня произвели глубокое впечатлѣніе. Человѣкъ, чуждый намъ по религіи, языку, нравамъ, обычаямъ, былъ тѣмъ не менѣе близокъ намъ по обще-человѣческимъ, душевнымъ качествамъ. Отъ этого чортэптанскаго ламы, равно и отъ другихъ пріятелей, обитающихъ въ нагорной Азіи, я періодически получаю письма. «Удостоившись знакомства съ вами, читаемъ въ одномъ изъ писемъ Цорчжи-ламы, я проникся къ вамъ чувствомъ искренней преданности. Со времени разлуки съ вами, когда я постоянно съ глубокою любовью вспоминалъ о васъ, незамѣтно промелькнуло нѣсколько мѣсяцевъ. Вотъ и зеле-

ный тростникъ покрылся туманомъ и серебристая роса сгустилась въ иней. Я думаю о томъ мѣсяцѣ (о вась), какъ будто бы онъ находился, и какъ запретить духу переноситься чрезъ пространства. Съ почтеніемъ вспоминая о вашихъ великихъ доблестяхъ и высокихъ административныхъ талантахъ, я съ глубокимъ нетерпѣніемъ ожидаю, какъ благовѣщеніе облака (отличіе) покроетъ вась, какъ роса покрываетъ бамбукъ. А я, бѣдный монахъ, обитатель пустыни, пристрастившійся къ лѣсамъ и источникамъ, хотя и мечтаю о томъ, чтобы выдѣлиться изъ толпы, но мнѣ не достаесть указаній къ воспитанію природы. Какое сравненіе съ вашимъ превосходительствомъ, который широко распространяетъ просвѣщеніе, озаряя имъ людей»...

Впереди, по направленію къ сѣверу, разстиралось холмистое луговое плато, подъ названіемъ Чагрынской степи. Населенія въ этой степи мало: путешественникъ съ грустью отмѣчаетъ разоренныя деревни. До послѣдняго магометанскаго возстанія, въ 1895—1896 гг., въ разсматриваемой мѣстности проживало не мало дунганъ и китайцевъ. Передъ началомъ мятежа дунгане быстро собрали свой скарбъ и переселились къ юго-востоку отъ Синина, въ долину Ми-ла-гоу, почти исключительно обитаемую дунганскимъ и саларскимъ населеніемъ. По дорогѣ въ Ча-коу-и, повстанцы осадили маленькое китайское укрѣпленіе, въ которомъ укрывался ду-сы съ тридцатью солдатами. Дунгане потребовали сдачи, но китайцы заперлись и попрятались; тогда магометане сожгли ворота и, занявъ цитадель, произвели поголовное избіеніе, за исключеніемъ самого ду-сы и его молоденькихъ дочерей, которыхъ побѣдители взяли себѣ въ жены. Ду-сы счастливо спасся, благодаря находчивости преданнаго ему солдата-дунганина, выпачкавшего кровью лицо и одежду начальника и въ такомъ видѣ выведшаго его за крѣпость, послѣ чего китайскій офицеръ незамѣтно бѣжалъ.

Одинъ изъ ночлеговъ въ Чагрынской степи мы имѣли подлѣ ничтожнаго городишки Сунъ-шань-чена, имѣвшаго тѣмъ не менѣе два ряда крѣпостныхъ глинобитныхъ стѣнъ, помѣщавшихся одна внутри другой. Исторія возведенія наружной стѣны приписывается желанію богдыханскаго сына—изгнанника, которому невыносимо тяжело было сидѣть въ маленькой городской крѣпостной клѣткѣ. Судьба, однако, сжалилась надъ несчастнымъ принцемъ и вырвала его изъ этихъ мѣстъ раньше окончанія добавочной постройки.

Къ сѣверу отъ Сунъ-шань-чена горизонтъ замыкался невысокой плоской грядой, Лоу-ху-шань, простиравшейся съ сѣверо-

запада на юго-востокъ. Спускаясь по извилистому крутому ущелью, мы любовались попутно расположеннымъ опрятнымъ, красивымъ селеніемъ Ту-да-дунъ, гдѣ наблюдались интересные пруды съ запасомъ воды для орошенія небольшихъ горныхъ полей. При выходѣ изъ ущелья, мы свернули къ востоку и, слѣдуя вдоль окраины горъ, достигли городка Куань-гоу-чена, гдѣ и разбили бивакъ.

Городъ Куань-гоу-ченъ основанъ въ третій годъ правленія Сянь-фынь, т. е. въ 1853 г. и процвѣталъ до четвертаго года правленія Тун-чжи, т. е. до 1865 г., когда магометане-повстанцы разграбили и сожгли его, а жителей вырѣзали. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ вновь отстроился и настолько густо заселился, что образовалъ предмѣстье, но въ седьмой годъ правленія того же Тун-чжи новое дунганское нашествіе не пощадило ни самаго города, ни его предмѣстья. Въ самое послѣднее возстаніе магометане очистили пригородъ, но городъ, окруженный высокой стѣной, отстояли селяки, вооруженные солдатскими ружьями; большинство жителей, не довѣря больше этому несчастному городу, однако, разѣхалось.

Уѣздъ подчиненъ лянчжоускому дао-таю.

Старичекъ, начальникъ Куань-гоу-чена, заранѣе увѣдомленный о нашемъ сюда приходѣ и о заготовленіи вьючныхъ подводъ до резиденціи алашанскаго вана, встрѣтилъ насъ любезнымъ приглашеніемъ на чашку чаю. Такимъ образомъ, 17-е сентября, день именинъ моей жены, было для насъ неожиданнымъ праздникомъ. Мы съ удовольствіемъ отправились къ хозяину города пѣшкомъ; къ тому же стояла отличная солнечная погода и насъ пригрѣвало по-лѣтнему. Мои спутники радостно взирали на впереди лежавшую пустыню, за которой виднѣлся конецъ нашему продолжительному странствованію.

Начальникъ города очень извинялся за бѣдность и отдаленность его владѣній, не позволившихъ ему угостить насъ такъ, какъ онъ хотѣлъ бы это сдѣлать. По возвращеніи къ себѣ на бивакъ, мы вскорѣ были опять въ обществѣ старика-начальника, пожаловавшаго къ намъ въ нарядномъ одѣяніи, въ телѣжкѣ, сопровождаемой нѣсколькими человѣками изъ служащихъ. Насколько позволяли наши запасы, мы въ свою очередь угостили почтеннаго старика, который охотно отвѣдалъ предложенныхъ ему заѣдочекъ и усладенекъ и съ восторгомъ, въ числѣ другихъ подарковъ, принялъ нарядную коробку московской карамели. Между прочимъ старичекъ очень одобрилъ нашъ коньякъ и ликеры и,

когда В. О. Ладыгинъ объяснилъ ему, по какому случаю мы пьемъ сегодня эти напитки, то старичекъ предложилъ приличествующій тость. Какъ дороги и пріятны подобные дни въ Центральной Азiи!..

Благодаря ясному небу, я здѣсь, во вновь открытомъ городкѣ, произвелъ астрономическое опредѣленіе географическихъ координатъ. По окончаніи астрономическихъ наблюденій, подъ впечатлѣніемъ отлично проведеннаго дня, я долго гулялъ по биваку. Вечеръ былъ тихій, теплый; луна, поднявшись надъ горами, мягко озаряла нашъ лагерь и погруженный въ дремоту городокъ. Вблизи насъ протекалъ небольшой горный ручей, мелодичное журчаніе котораго рядомъ съ торжественной тишиной ночи уносило мысль далеко, далеко....

Деятнадцатаго сентября 1901 г., мы оставили городокъ Куань-гоу-ченъ и черезъ два дня слѣдованія прибыли въ богатое верблюдами селеніе Бай-гунь-цзы, откуда начинается настоящая пустыня.

У ближайшей окраины гора, наше вниманіе привлекъ воткнутый шесть съ водруженной на его вершинѣ человѣческой головой, отрубленной недавно одному изъ убійцъ китайцевъ. Въ извѣстномъ урочищѣ, въ лёссовой пещерѣ, разыгралась кровавая драма. Здѣсь неожиданно встрѣтились двѣ партіи китайскихъ паломниковъ, направлявшихся въ Лхасу. Одна изъ этихъ партій составилаь изъ семи человѣкъ мѣстныхъ хэшеновъ — монаховъ бѣдняковъ, другая изъ четырехъ кантонскихъ богатыхъ обитателей, которые перезнакомились съ первыми и сговорились совершать паломничество вмѣстѣ. Однако, богатство кантонцевъ и глубокая темная ночь не давали покоя мѣстнымъ монахамъ, порѣшившимъ покончить съ пришельцами и, захвативъ ихъ имущество, бѣжать. Задуманный планъ приведенъ былъ въ исполненіе. На слѣдующее затѣмъ утро одинъ изъ несчастныхъ кантонцевъ пришелъ въ себя и, собравшись съ силами, окровавленный, доташился до Куань-гоу-чена, гдѣ повѣдалъ о случившемся. Администрація города быстро приняла мѣры къ розыску и поимкѣ преступниковъ; двое изъ нихъ, дѣйствительно, вскорѣ были изловлены и казнены; прочіе же еще скрывались, хотя народъ съ увѣренностью говорилъ, что они въ скоромъ времени будутъ найдены и получать такое же возмездіе, какъ и другіе убійцы. Видѣнная нами голова на шесть принадлежала одному изъ казненныхъ преступниковъ.

Общая картина мѣстности до резиденціи алаша-вана представляется слѣдующей: восточная часть горизонта заполнена горами

западная же представляет море сыпучихъ песковъ, среди которыхъ, подобно островамъ, выступаютъ порядочныя горы Ябарай и другія значительно меньшія, тамъ и сямъ разбросанныя по равнинѣ. Съ Чагрынской степи въ Дынъ-юань-инъ ведутъ три дороги: первая, восточная, самая кружная, но и самая удобная, проходящая вдоль подножья алашаньскихъ горъ, среди китайско-монгольскаго земледѣльческаго населенія; вторая, западная или даджинская, изученная Н. М. Пржевальскимъ, и третья, средняя или куаньгоученская, кратчайшая и интересная по своей новизнѣ; экспедиція остановилась на послѣдней.

Общій видъ и характеръ сэрхэскихъ песковъ одинаковъ съ таковыми баданджарэнгскими, описанными ранѣе. Песчаные рукава, пересѣченные нами, кажутся съ вершинъ гобійскихъ высотъ въ видѣ широкихъ блестящихъ лентъ, разложенныхъ пышными складками на темно-сѣрой земной поверхности. Иногда пески тянутся длинными змѣеобразными грядами, съ рѣзко выраженными гребнями, поднимающимся до пятидесяти—семидесяти или даже до ста футовъ. Съ вершинъ подобныхъ бархановъ песчаное море представляется замѣчательно красивымъ: мѣстами ярко-желтыя волны словно въ настоящемъ морѣ располагаются одна за другой въ строгомъ порядкѣ; мѣстами, наоборотъ, нѣсколько волнъ группируются вмѣстѣ и поднимаются одна на другую, причемъ, въ концѣ концовъ, образуются характерныя бреши или воронко-образныя углубленія.

Подобно баданджарэнгскимъ, сэрхэскіе пески кажутся нѣмыми, безжизненными, а порою, въ особенности вначалѣ, даже удручающими, пока глазъ не привыкнетъ къ однообразному желтому фону и не замѣтитъ въ выемкахъ деревцо саксаула, или другой какой-либо кустъ, свойственный пустынѣ, или даже небольшую площадку зеленаго камыша, пріятно гармонирующаго съ общей золотисто-желтой окраской песковъ. Рядомъ съ растительной жизнью—кустарникомъ или камышемъ—нерѣдко обнаруживается и животная: изъ маленькихъ, едва замѣтныхъ простому глазу, норокъ осторожно высовываются мордочки остроголовыхъ и плоскоголовыхъ ящерицъ; вотъ выбѣжала одна, другая, обѣ повернули головки въ вашу сторону, напряженно слѣдя за вами и играя своими подвижными, извивающимися въ кольца, хвостиками. По красивой, мелко-волнистой песчаной поверхности въ свою очередь наблюдаешь бесконечныя узорчатые пути различныхъ жуковъ; чаще другихъ въ это время попадались у дороги навозники, трудившіяся надъ

тяжелыми комочками или катышками, въ которыхъ заключено будущее потомство ¹⁾).

Въ наблюденіяхъ всякаго рода время бѣжить незамѣтно, караванъ подвигается впередъ. Усталые верблюды мягко ступаютъ по песку; ихъ тяжелое, учащенное дыханіе неприятно дѣйствуетъ на поднятые нервы человѣка; вереница животныхъ то поднимается па вершину песчаной волны, то скрывается въ ея широкомъ промежуткѣ. Набѣжить затѣмъ пустынный вѣтеръ, гребешки песковъ закурятся и только что проложенный караваномъ путь исчезнетъ, какъ исчезаетъ слѣдъ корабля въ океанѣ. Слѣдующій путникъ будетъ внимательно наблюдать за еще непогребенными пескомъ скелетами павшихъ животныхъ или тамъ и сямъ обнажающимися другими отбросами животныхъ, или крайне рѣдкими обо, сложенными исключительно изъ вѣтвей саксаула. Наконецъ томительные пески оканчиваются: радостно и свободно вздыхаешь, вступая на болѣе твердую почву; всѣ неволью ускоряютъ шагъ; собаки, почуявъ приближеніе воды, пускаются вприпрыжку и первыя утоляютъ жажду.

Весь путь черезъ пустыню до Дынъ-юань-ина мы прошли въ одиннадцать дней, въ среднемъ дѣлая въ день около тридцати верстъ. Почти ежедневно на встрѣчу намъ попадались паломники, шедшіе въ монастырь Гумбумъ, а нѣкоторые и дальше—въ Лхасу. Богомольцы слѣдовали или исключительно пѣшкомъ, съ посохомъ въ рукахъ и котомкой за плечами, или вели въ поводу одного—двухъ верблюдовъ, завьюченныхъ ихъ походнымъ скарбомъ. Въ нѣдрахъ песковъ попался, между прочимъ, и свѣжій трупъ паломника, лежавшій подлѣ тропинки у вырытаго колодца; листки молитвенной книжки были разнесены по сторонамъ, невдалекѣ блуждалъ одинокій верблюдъ, отпущенный на свободу. Пройдетъ нѣкоторое время, налетѣвшіе грифы и вороны очистятъ костякъ, вѣтеръ же пустыни его высушитъ и занесетъ пескомъ.

Во все время нашего пребыванія въ алашаньской пустынѣ погода стояла настолько теплая, что напоминала собою паше среднероссійское лѣто, и всѣ мы чувствовали себя въ этомъ отношеніи очень хорошо. Не посчастливилось лишь экспедиціонному псу, Гарзѣ; его доконали пески, въ которыхъ Гарза тяжело заболѣлъ и палъ на послѣднемъ передъ Дынъ-юань-иномъ ночлегѣ. Полтора

¹⁾ Изъ особенно интересныхъ жуковъ, собранныхъ экспедиціей въ пескахъ, по изслѣдованію извѣстнаго русскаго энтомолога А. П. Семенова, оказались новые виды изъ рода *Ahermes*—*Ahermes Kaznakowi* и *A. Kozłowi*.

года Гарза неизмѣнно служилъ каравану. Эта собака видѣла и суровую часть тибетскаго нагорья, и его теплую, расчлененную на глубокія, низкія долины, восточную окраину, неутомимо преслѣдовала дикихъ яковъ, медвѣдей, волковъ, антилопъ, переплывала черезъ многочисленныя горныя рѣки, поднималась на высокіе вѣчно-снѣговые хребты, вернулась въ Цайдамъ, пересѣкла Нань-шань, но не вынесла алашаньскихъ песковъ—погибла. Надежды моихъ забайкальцевъ увезти ее къ себѣ на родину не оправдались. Последніе часы ночного страданія Гарза провелъ у ногъ часового, утолявшаго его острую жажду. На утро вѣрный товарищъ каравана и другъ покойнаго Мандрила лежалъ холоднымъ трупомъ...

Спѣша попасть въ родные предѣлы въ-время, до большихъ холодовъ, я дорожилъ каждымъ днемъ послѣдняго полутора-мѣсячнаго періода и заблаговременно командировалъ Бадмажанова курьеромъ въ Дынъ-юань-инъ съ цѣлью скорѣйшаго выясненія мѣстнымъ управителемъ вопроса о дальнѣйшемъ нашемъ слѣдованіи по Гоби. Какъ и слѣдовало ожидать, алаша-ванъ принялъ моего посланнаго любезно и предупредительно выслалъ ко мнѣ на встрѣчу чиновника, съ которымъ мы утромъ, 29-го сентября, вступили въ восточное предмѣстье Дынъ-юань-ина.

До прихода монголовъ въ Алашань или «Алаша», какъ говорятъ мѣстные коренные обыватели, извѣстный подъ этимъ названіемъ районъ, ограниченный на востокъ и югъ культурной полосой китайскаго населенія, на западѣ—кочевьями эцзинголскихъ торговъ, на сѣверѣ—Халхой и, наконецъ, на сѣверо-востокъ—землей уротовъ, оставался незаселеннымъ.

Въ началѣ царствованія второго богдыхана царствующей нынѣ въ Китаѣ династіи, въ Илійскомъ краѣ произошли среди олотовъ безпорядки и около тысячи семействъ, во главѣ съ однимъ тайчжи, вынуждены были бѣжать съ Или въ Алаша. Бѣглецы поселились главнымъ образомъ въ горахъ Ябарай, откуда производили лихіе набѣги за Алашаньскій хребетъ, равно къ сѣверу и западу отъ своего главнаго стана. Подобно могучему пауку, воинственный тайчжи опуталъ пески сѣтью развѣздовъ и быстро посылалъ подкрѣпленіе въ нужный районъ пустыни. Такъ длилось двадцать лѣтъ. За этотъ промежутокъ времени китайскія власти пытались, если не усмирить совершенно, то хотя бы наказать дерзкихъ олотовъ, но попытки ихъ не увѣнчались успѣхомъ. Однако, тайчжи и его ближайшій совѣтникъ, извѣстный подъ кличкою «Одноглазый-лама», видѣли, что рано или поздно имъ придется поплатиться за разбой,

и, чтобы обезпечить себѣ въ будущемъ спокойное владѣніе занятыми землями, рѣшили принести повинную богдыхану.

Въ тридцать седьмомъ году правленія настоящей манчжурской династіи, т. е. въ 1681 г. по Р. Х., тайчжи и Одноглазый лама, въ сопровожденіи болѣе или менѣе вліятельныхъ олотовъ, отправились въ Пекинъ, гдѣ были ласково приняты богдыханомъ Канъ-си, современникомъ Петра Великаго. Олоты «чистосердечно» сознались во всѣхъ своихъ проступкахъ, въ грабежахъ и разбояхъ, объяснивъ все это крайнею нуждою, заставившею ихъ искать себѣ пропитаніе этимъ путемъ. Но убѣдившись, что жить такимъ преступнымъ образомъ нехорошо, они явились просить устроить ихъ законнымъ порядкомъ на незаселенныхъ алапаньскихъ мѣстахъ. Повинная была принята, проступки прощены и, кромѣ того, богдыханъ командировалъ съ тайчжи одного сановника, которому предписано было указать районъ олотскихъ кочевій. Указанныя границы остаются въ силѣ и до сего времени.

Тайчжи былъ награжденъ княжескимъ званіемъ «бэйлэ». Монголы бросили грабежи и перешли къ мирному занятію—скотоводству. Богдыханъ избавилъ населеніе «песчаной страны» отъ всякихъ повинностей и податей. Эти привилегіи стали извѣстны въ окрестностяхъ, и въ хошунъ бэйлэ потянулись монголы отовсюду. Къ концу жизни третьяго бэйлэ алашаньскій хошунъ насчитывалъ уже около десяти тысячъ семействъ, богатыхъ въ особенности стадами верблюдовъ. Слава алашаньскаго хошуна скоро достигла и некинскаго двора.

Во время управленія хошуномъ четвертаго бэйлэ въ провинціи Гань-су вспыхнуло дунганско-саларское возстаніе, и алашаньскіе монголы должны были, по повелѣнію богдыхана, принять дѣятельное участіе въ подавленіи мятежа.

Алашаньскій бэйлэ освободилъ Лань-чжоу-фу и преградилъ движеніе саларовъ на Куку-норъ устройствомъ крѣпости, извѣстной подъ названіемъ Баръ-хото, развалины которой мы видѣли въ передній путь экспедиціи. Салары были не только задержаны, но и разбиты на голову.

За этотъ подвигъ алашаньскій бэйлэ былъ пожалованъ княжескимъ титуломъ «цинъ-ванъ» и тогда же богдыханъ выдалъ за него одну изъ дочерей. Отправляя въ Алашань принцессу, богдыханъ подарилъ цинъ-вану кромѣ приданаго имуществомъ и людьми-манчжурами еще десять тысячъ ланъ серебра на устройство дворца въ укрѣпленіи Дынъ-юанъ-инъ и столько же для раздачи монголь-

Алашаньскій князь (Фу-ма).

скому населенію. Дочь богдыхана сопровождалъ огромный поѣздъ, въ составъ котораго, между прочимъ, вошла и цѣлая труппа актеровъ со всѣми принадлежностями для представленій.

Къ прибытію принцессы укрѣпленіе Дынъ-юань-инъ было расширено: возвели новую городскую стѣну, внутри построили дворецъ со службами и театральнымъ заломъ и проч. Торговля новаго городка быстро увеличилась.

Если путешественникъ захочетъ видѣть въ восточномъ или южномъ Алаша чистокровнаго монгола-олбта въ его платьѣ и обстановкѣ, то онъ едва ли удовлетворитъ свое желаніе. Алашанцы этихъ частей сильно окитаились: и мужчины и даже женщины носятъ китайское платье, въ юртахъ завели китайскую обстановку, ѣдятъ китайскія кушанья изъ китайской посуды, поютъ китайскія пѣсни, а когда нужно, то и говорятъ по-китайски, хотя свой монгольскій языкъ въ большей или меньшей чистотѣ еще сохраняютъ, за исключеніемъ настоящихъ китаистовъ, вводящихъ въ разговорную рѣчь не только отдѣльныя китайскія слова, но даже и цѣлыя фразы. При дворѣ алаша-вана слышна исключительно китайская рѣчь. Нынѣшній ванъ и его старшій сынъ-наслѣдникъ не говорятъ по-монгольски, если не считать нѣкоторыхъ заученныхъ фразъ и отдѣльныхъ словъ, произносимыхъ съ китайскимъ акцентомъ.

Населеніе же болѣе удаленныхъ, глухихъ мѣстъ Алаша все еще старается сохранить монгольскій обликъ, занимаясь попрежнему только скотоводствомъ. Но и здѣсь мужской элементъ начинаетъ одѣваться въ китайское платье, да и молодая модница также не прочь принарядить свои головы въ китайскіе платки, а ноги въ мужскіе китайскіе сапоги; пожилыя же женщины еще упорно отстаиваютъ свой національный костюмъ, въ особенности безрукавку—цэгэдэкъ, убранство головы и самую прическу.

Монголы переняли отъ китайцевъ ихъ важную осанку, манеру говорить, встрѣчать и провожать гостя со всѣми китайскими церемоніями. Они перестали справлять праздники по-монгольски. Новый годъ празднуется по-китайски. Скачекъ, борьбы и проч. здѣсь нѣтъ, но зато процвѣтаетъ пьянство; городское населеніе пристрастилось къ опиуму и азартнымъ играмъ на деньги.

Наше трехдневное пребываніе въ Дынъ-юань-инѣ промелькнуло очень быстро. Приведа себя въ порядокъ, я съ своими спутниками, въ сопровожденіи конвоя, отправился къ цинъ-вану. Проѣхавъ восточное предмѣстье, мы вступили черезъ южныя, облицованныя камнемъ, ворота въ самый городъ и вскорѣ очутились у безконеч-

наго ряда всевозможныхъ построекъ княжескаго двора. Миновавъ затѣмъ нѣсколько воротъ, мы были встрѣчены чисто по-китайски наслѣдникомъ управителя Алаша и его свитой и всей компаніей прослѣдовали до покоевъ вана. По дорогѣ изъ оконъ на насъ смотрѣло много женскихъ глазъ нарядно одѣтыхъ манчжурокъ; нѣкоторыя изъ нихъ открыто стояли при входѣ въ фанзы и вполголоса дѣлали замѣчанія. Наконецъ показался и цинь-ванъ, изысканно-вѣжливо поздоровавшійся съ нами и пригласившій насъ къ себѣ въ кабинетъ.

Цинь-ванъ являлъ собою представительнаго, здороваго, хотя и съ нѣкоторою блѣдностью въ лицѣ, китайскаго чиновника, умѣвшаго держать себя съ достоинствомъ. Ванъ выразилъ свое удовольствіе по поводу того, что видитъ меня второй разъ и уже въ роли руководителя экспедиціи. Впервые съ цинь-ваномъ я познакомился восемнадцать лѣтъ тому назадъ, когда, еще будучи юношей, участвовалъ въ четвертомъ путешествіи Н. М. Пржевальскаго, о которомъ алаша-ванъ много разъ вспоминалъ съ самой лучшей стороны. Нѣсколько портретовъ великаго путешественника украшало стѣну кабинета на ряду съ другими семейными фотографіями князя. Подобно сининскимъ чиновникамъ, алаша-ванъ очень интересовался нашимъ путешествіемъ, внимательно выслушивая отвѣты на заданные имъ вопросы о природѣ отдаленнаго Тибета, о его племенахъ, про которыя онъ привыкъ слышать одни только ужасы.

Съ своей стороны я благодарилъ алаша-вана за содѣйствіе экспедиціи въ передній ея путь, когда мы прошли западнѣе Дыньюань-ина, а именно серединою горъ Ябарай, тѣхъ самыхъ, которыя послужили главнымъ пристанищемъ его отдаленнымъ предкамъ, впервые ступившимъ на эту землю. На мою благодарность ванъ учтиво замѣтилъ, что это его прямая обязанность и что теперь онъ вновь готовъ прийти на помощь экспедиціи, возвращающейся на родину. Вначалѣ я предполагалъ было отправиться путемъ Н. М. Пржевальскаго, но къ моему удовольствію ванъ предложилъ мнѣ иную, новую дорогу, проходящую какъ разъ въ серединѣ между моимъ маршрутомъ на западъ и путемъ Н. М. Пржевальскаго на востокъ.

Во все время нашего разговора, ванъ и я съ моими сотрудниками сидѣли, но наслѣдникъ вана, согласно этикета, стоялъ въ княжеской свитѣ, какъ заурядный чиновникъ.

Въ заключеніе цинь-ванъ просилъ меня не торопиться съ отхо-

домъ каравана, а денекъ—другой остаться еще въ Дынъ-юань-инъ, но въ концѣ концовъ внялъ моимъ доводамъ и позаботился отдать распоряженіе о скорѣйшемъ заготовленіи всего необходимаго на нашемъ дальнѣйшемъ пути. Отъ приглашенія же на обѣдъ, назначенный на завтра, мы не могли отказаться.

Передъ обѣдомъ А. Н. Казнаковъ сфотографировалъ вана и его сыновей; явившіяся затѣмъ для той же цѣли женщины не удостоились разрѣшенія вана и сконфуженныя поторопились убраться во свояси.

Во время обѣда, затянувшася до поздняго вечера, давалось театральное представленіе совершенно такъ же, какъ и въ Сининѣ, да и самый обѣдъ въ общемъ несъ тотъ же китайскій характеръ, съ включеніемъ лишь въ китайскія блюда монгольскихъ. Ванъ въ дружеской бесѣдѣ старался доказать намъ свои симпатіи къ Россіи потому, главнымъ образомъ, что Россія не посылаетъ въ Монголію миссіонеровъ, причиняющихъ Китаю массу неприятностей, доводящихъ до вооруженнаго столкновенія съ европейцами.

Въ десять часовъ вечера мы возвратились въ свой лагерь, который, за исключеніемъ часового и заботливаго фельдфебеля Иванова, спалъ крѣпкимъ сномъ, такъ какъ на завтра назначено было выступленіе въ дальнѣйшій путь.

Глава XVII.

Поперекъ Гоби.

Опять въ пустынь.—Неожиданное свиданіе съ разыскивавшимъ экспедицію таранчей.—Колодецъ Хара-сухай.—Пересѣченіе Монгольскаго Алтая.—По владѣніямъ Сайинъ-нойона и Тушету-хана.—Усиленные переходы п невзгоды зимы.—Томительное ожиданіе конца путешествія.—Посланецъ отъ консула.—Урга и послѣдніе дни путешествія.

2-го октября мы оставили шумный Дынъ-юань-инъ съ пріятной мыслью объ Ургѣ и сразу очутились въ тихой монотонной пустынь. Проходя у высотъ, окаймляющихъ гороль съ сѣвера, мы наблюдали интересную травлю лисицъ борзыми. Невдалекѣ отъ каравана, изъ за холмовъ, неожиданно показались всадники, которые на нашихъ глазахъ съ страшной стремительностью скакали за собаками, увлеченными лисой. Я долго не забуду въ высшей степени интересныхъ

двухъ—трехъ минутъ, въ теченіе которыхъ лиса, борзые и нѣсколько чловѣкъ всадниковъ, слившись въ одинъ фокусъ общей картины, мчались подлѣ нашего каравана; это было нѣчто особенное, приковавшее наше вниманіе; вотъ еще одна секунда, еще одинъ моментъ, и лиса въ зубахъ собакъ; общее замѣшательство и поднятая въ воздухъ пыль подтвердили предполагаемое окончаніе успѣшной травли. Въ рукахъ нарядно одѣтаго всадника виднѣлся красивый звѣрь съ пушистымъ хвостомъ. Это былъ утренній выѣздъ младшаго изъ княжескихъ сыновей, желавшаго вѣроятно показать намъ свою лихость п молодечество.

Какъ и всегда, первоначальный переходъ нашъ былъ очень небольшой—всего лишь въ девять верстъ—приведшій караванъ на колодець Курэтэ. Нынѣшній годъ, благодаря частымъ дождямъ, отмѣченъ въ Гоби небывалымъ урожаемъ пустынной растительности, нерѣдко сплошнымъ ковромъ залегавшей на десятки верстъ по сторонамъ дороги. Сульхирь уродился также прекрасно, о чемъ свидѣтельствовали часто сложенные скирды этого дикаго хлѣба. По словамъ престарѣлыхъ монголовъ, подобные урожайные годы случаются разъ въ сто лѣтъ; поэтому не всѣ поколѣнія монголовъ могутъ видѣть свою «пустыньку» въ такомъ богатомъ убранствѣ. По случаю тѣхъ же обильныхъ дождей на нашемъ пути, по низинамъ, то и дѣло попадались не только оголенные блестящія поверхности, но даже и лужи сохранившейся воды. Порою заставляли обращать на себя вниманіе одиночки или небольшія группы робкихъ хара-сультъ, граціозными прыжкамъ исчезающихъ вдаль, рѣже взлетали дрофы или съ шумомъ бури проносились надъ головой пустынники-больдуруки. На сѣверо-западѣ изъ отдаленныхъ высотъ и горъ миражъ—«этотъ злой духъ пустыни»—строилъ цѣлыя системы хребтовъ фантастическихъ очертаній. Наконецъ, открывается видъ на углубленную часть равнины, среди которой опытный глазъ легко распознаетъ ожидаемый колодець.

Впрочемъ, теперь, когда у всѣхъ одно стремленіе скорѣе упасть въ Ургу, насъ не страшили никакіе переходы. О полученіи какой бы то ни было корреспонденціи мы уже не мечтали, о временной стоянкѣ также; мы знали только два состоянія: днемъ сидѣть на верблюдѣ или лошади, ночью спать. Поэтому мы всѣ были крайне поражены неожиданнымъ прїездомъ вслѣдъ за нами, на колодець Уланъ-таталъ, русско-подданнаго таранчи Касимъ-ахунъ Абдулвагапова, командированнаго Императорскимъ россійскимъ консульствомъ въ Урумчи, какъ значилось въ бумагѣ, переданной

мнѣ посланцемъ, «для разысканія членовъ и слѣдовъ экспедиціи, покинувшей Россію въ 1899 мѣ году подъ начальствомъ поручика Козлова». Со словъ порядочно говорившаго по-русски Абдулвагапова мы поняли, что въ апрѣлѣ 1901 г. въ Урумчи появился монголъ съ вѣстью о гибели нашей экспедиціи гдѣ-то въ Восточномъ Тибетѣ. Объ этомъ монголъ открыто говорилъ всѣмъ встрѣчнымъ на базарѣ людямъ и смѣло подтвердилъ при личномъ допросѣ консулу В. М. Успенскому. Нѣкоторое довѣріе къ себѣ пришелецъ приобрѣлъ, согласно показанію Касима, толковыми разказами о членахъ экспедиціи, о ихъ дѣятельности въ пути, съ допустимымъ подробнымъ изложеніемъ о томъ, между прочимъ, что во время критическаго положенія экспедиціи, онъ, монголъ, находился въ двухнедѣльномъ пути къ югу отъ насъ, куда онъ былъ командированъ начальникомъ экспедиціи для пріисканія хорошихъ мѣстъ въ смыслѣ охоты и пастбищъ, что, выполнивъ задачу, онъ возвращался въ станъ экспедиціи, но по дорогѣ встрѣчнымъ ламой-товарищемъ по школѣ, былъ уговоренъ вернуться, если ему еще дорога жизнь, такъ какъ на экспедицію будто бы напало до двухъ тысячъ нголоковъ, по всей вѣроятности уже покончившихъ съ русскими; что ему не оставалось ничего другого, какъ только скорѣе бѣжать на русскую границу, что онъ и сдѣлалъ: и, наконецъ, энергичнымъ заявленіемъ: «если его доводовъ, тѣмъ не менѣе, не примутъ во вниманіе и не наградятъ по заслугамъ, то онъ будетъ принужденъ отправиться въ другое консульство»... Послѣ этого, продолжалъ докладывать Касимъ, консульская администрація совѣщалась нѣсколько дней, неоднократно сносилась съ Петербургомъ и въ концѣ концовъ командировала Абдулвагапова, съ двумя товарищами-спутниками, въ Западный Китай, въ сининскій округъ. На путевые расходы разѣзду была выдана тысяча лавъ серебра. Отправляя Абдулвагапова въ путь консульство строго приказало ему свято исполнить возложенное порученіе: отыскать экспедицію или въ крайнемъ случаѣ ея слѣды и привезти въ видѣ вещественнаго доказательства, хотя бы дневники, журналы, планы, инструменты и проч., снявъ съ насъ на память фотографію. «Наши торговцы-собратья, прощаясь съ нами, говорилъ Абдулвагаповъ, плакали, говоря, что если разбойники уничтожили большую военную экспедицію, то васъ убьютъ и подавно».

Пробывъ съ нами около сутокъ, Абдулвагаповъ получилъ письмо на имя управляющаго Урумчійскимъ консульствомъ В. О. фонъ-Эттингена и отправился въ Урумчи. Теперь для насъ стало еще

яснѣ въ какой тревогѣ находились всѣ тѣ, кому были дороги интересы экспедиціи и кто такъ или иначе былъ связанъ съ нами. Нѣкоторымъ облегченіемъ путешественникамъ служило лишь то обстоятельство, что экспедиція возвращалась на родину съ чувствомъ удовлетворенія, посильно выполнивъ свою трудную и отвѣтственную задачу. Съ отъездомъ Абдулвагапова нашему желанію возможно скорѣе очутиться въ Ургѣ не было предѣловъ; для всѣхъ насъ Урга стала землею обѣтованной.

Въ началѣ путешествія, столь же продолжительнаго, какъ наше, время возвращенія на родину обыкновенно исчисляется годами, въ концѣ же странствованія—последовательно мѣсяцами, недѣлями, а затѣмъ и днями. Съ возвращеніемъ въ Цайдамъ годовые сроки прекратились; ихъ смѣнили мѣсячные. Въ настоящее же время наступили чуть не недѣльные, въ теченіе которыхъ экспедиція находилась въ пути изо дня въ день, за исключеніемъ двухъ—трехъ дневокъ, и прошла разстояніе въ тысячу верстъ, дѣлая ежедневно, въ среднемъ, около тридцати пяти верстъ. Въ этой части Гоби максимальнымъ переходомъ для нашего каравана былъ переходъ въ сорокъ восемь верстъ, минимальнымъ—въ восемнадцать.

Короткіе осенне-зимніе дни отъ зари до зари проходили въ движеніи. По части сбора и разбора бивака, гренадеры и казаки дошли положительно до виртуозности: обширный бивакъ, словно по волшебству, снимался и вновь располагался менѣе, нежели въ полчаса времени.

Наскоро выпитой чашкой кирпичнаго чая приходилось довольствоваться въ продолженіе всего дня до вечерняго чая. Вычерчиваніе планшета, писаніе дневника и приведеніе въ порядокъ коллекціонныхъ списковъ исполнялось въ двухчасовой промежуткѣ, отъ вечерняго чая до обѣда-ужина.

Самый день для меня лично проходилъ крайне быстро, незамѣтно, такъ какъ новое пересѣченіе Гоби поглощало все мое вниманіе съемкой и сборомъ образцовъ горныхъ породъ, изъ которыхъ слагались всевозможные выходы. На этомъ гобійскомъ рейсѣ наша геологическая коллекція пополнилась двумястами экземпляровъ горныхъ породъ. Здѣсь мнѣ удалось наиболѣе широко примѣнить полезные совѣты и спеціальныя указанія нашего извѣстнаго геолога, профессора Томскаго технологическаго института Владиміра Афанасьевича Обручева, который кромѣ того любезно принималъ на себя трудъ изученія и опредѣленія всей геологической коллекціи экспедиціи.

При двойномъ колодцѣ Хара-сухай мы встрѣтили шаньсѣйскихъ китайцевъ, проживавшихъ въ фанзѣ и занимавшихся покупкою верблюжьей и бараньей шерсти. Это сырье въ количествѣ семи—восьми сотъ пудовъ ежегодно китайцы отправляютъ прямымъ путемъ въ Дынъ-коу, гдѣ перепродаютъ агентамъ иностранныхъ фирмъ. Шаньсѣйцы оказались очень привѣтливыми людьми и во время дневки накормили насъ превкусными пельменями. Любители и знатоки огородничества они сумѣли и въ пустынѣ развести маленькій огородикъ, въ которомъ хорошо родятся кукуруза, тыква, морковь, капуста, рѣдиска, лукъ, чеснокъ и проч. На мой вопросъ къ китайцамъ: «какъ они поживаютъ и какъ идетъ ихъ торговое дѣло?»—они отвѣтили: «жить скучно, торговля изъ-за войны унала; такіе люди, какъ вы, здѣсь никогда не бывали».

Двигаясь, затѣмъ, по глубокому, коридорообразному ущелью Торайнъ-голь, мы встрѣтили въ немъ одну жалкую юрту, молодая обитательница которой охотно пришла на помощь нашимъ проводникамъ и въ штормъ отлично провела караванъ на колодець Бѣригинъ-усунъ. Малоощутительный въ горахъ вѣтеръ даль знать себя тотчасъ по выходѣ нашемъ въ покатую на сѣверъ долину, служащую восточнымъ продолженіемъ котловины Гойцзо.

Въ этой наиболѣе углубленной части Гоби водоносный горизонтъ проходитъ на пять—семь футовъ ниже земной поверхности, которая, вообще говоря, представляетъ болѣе или менѣе измельченный продуктъ разрушенія горныхъ породъ, вынесенныхъ изъ горъ потоками и обточенныхъ пескомъ.

Подлѣ большинства горъ, по русламъ рѣчекъ, въ наиболѣе глубокихъ долинахъ, словомъ повсюду, я встрѣчалъ слѣды пребыванія монголовъ-кочевниковъ; то же самое, на всемъ поперечномъ пути по Гоби, мнѣ подтверждали и проводники относительно окрестныхъ мѣстъ. Это обстоятельство краснорѣчиво говоритъ въ пользу того, что абсолютно безлюдною, абсолютно безводною, пустыня Гоби на большія пространства нигдѣ не представляется, что нѣтъ-нѣтъ да встрѣтится колодець или родникъ, что нѣтъ-нѣтъ да встрѣтятся одинъ или нѣсколько монголовъ.

Въ сѣверо-восточномъ углу Алаша намъ нерѣдко попадались типы съ признаками арійской крови: съ большими, сравнительно, конечно, глазами, высокими, изогнутыми носами и даже длинными лицами. При разспросахъ оказывалось, что это результатъ пребыванія на сѣверо-восточной окраинѣ Алашаньскаго хребта небольшой горсти киргизовъ или, какъ ихъ здѣсь называютъ, «хотонъ»,

живущихъ, повидимому, нѣсколько обособленно, хотя административно и входящихъ въ составъ одного изъ монгольскихъ сумуновъ.

Съ окраинныхъ высотъ Цзунъ-цохоньнъ-шилп мы увидѣли быстро скакавшихъ навстрѣчу къ намъ нѣсколькихъ челоувѣкъ чиновниковъ Балдынъ-цзасакскаго хошуна, привезшихъ мнѣ письмо отъ Бадмажанова, который вновь мчался по Гоби курьеромъ. Изъ письма моего неутомимаго спутника я узналъ, что онъ уже благополучно прослѣдовалъ въ ставку Балдынъ-цзасака—старога знакомаго, гостепрїимно встрѣтившаго Бадмажанова и попрежнему обезпечившаго дальнѣйшее движеніе по средней Монголіи. Отсюда же мы радостно привѣтствовали въ сѣверной туманной дали Монгольскій или Гобійскій Алтай, его «три хорошихъ» вершины—Гурбанъ или Гурбунъ-сайханъ, съ близкаго разстоянія заслоняемыхъ рядомъ прилежащихъ высотъ и отдѣльныхъ горокъ.

Въ сообществѣ привѣтливыхъ чиновниковъ мы незамѣтнымъ образомъ доѣхали до колодца Мандалъ-шандэ, расположеннаго при пересѣченіи торгоутской дороги, направляющейя изъ Эцзинъ-гола, черезъ Борцзонъ, въ резиденцію богдыхана. И какъ теперь кстатн были заранѣе приготовленныя для нашего отряда большія, уютныя юрты и топливо—самыя, повидимому, необходимыя принадлежности въ дорогѣ, а между тѣмъ казавшіяся намъ роскошью, и мы послѣ дневныхъ утомительныхъ переходовъ съ прїятнымъ чувствомъ входили въ нихъ, согрѣваясь чаемъ и тепломъ маленькой заслуженной печки. Время бѣжало быстро, но несравненно медленнѣе нашихъ желаній. Мы съ дѣтской наивностью отсчитывали истекавшіе дни и дни, предстоявшіе впереди, по направленію къ Ургѣ—этой своего рода «обѣтованной землѣ» тибетскихъ странниковъ. Да, дѣйствительно, Урга была для насъ землей обѣтованной: мы сильно истомились и нравственно, и физически, почему не могли не желать скорога конца нашего путешествія.

Съ сѣверной окраины Бага-аргалинтэ мы опять увидѣли горы Гурбанъ-сайханъ во всей ихъ пустынной прелести. Каждый изъ трехъ сайхановъ выдѣлялся отчетливо, въ особенности ближайшій или восточный—Цзунъ-сайханъ, характерно-изламывающійся въ этомъ направленіи.

При рочищѣ Шины-кобэръ мы устроили первую послѣ Харасухая дневку. Здѣсь, благодаря ясному состоянію неба, мнѣ удалось произвести астрономическое опредѣленіе географической широты, важное въ томъ отношеніи, что въ этомъ пунктѣ пересѣкаются маршруты мой и А. Н. Казнакова. Здѣсь же я написалъ и

послѣднее официальное письмо въ Географическое общество о самых послѣднихъ шагахъ экспедиціи.

Въ три послѣдующихъ дня мы оставили за собою и Монгольскій Алтай. Съ массивовъ Гурбанъ-сайханъ сбѣгаютъ длинныя бѣлы—покатоги, граничація съ кукухотоскими дорогами, и открываются широкіе виды, въ особенности къ сѣверу, гдѣ мѣстность снова заполнена высотами и грядами, изъ которыхъ на нашемъ пути выдѣляются Онцо и Хонгырь-обо. Въ долинѣ «Бѣлаго дэрэсуна» мы встрѣтили большое оживленіе въ отношеніи населенія и животнаго міра. Сюда проникаютъ, такъ называемыя, цаганъ-дзере или монгольскія антилопы, изрѣдка подвертывавшіяся подъ наши выстрѣлы.

На колодцѣ Хонгоръ-обонынъ-усу экспедиція встрѣтила молодую монголку-паломницу съ семилѣтнимъ сыномъ, слѣдовавшую нѣшкомъ изъ окрестностей Урги, въ сопровожденіи ламы, приставшаго къ нимъ по дорогѣ и несшаго ихъ общій скарбъ за плечами. По словамъ богомольцевъ конечною цѣлью ихъ былъ монастырь Гумбумъ, куда они намѣревались прибыть предстоящимъ лѣтомъ, а то и позднѣе.

Навѣщавшіе насъ чиновники-монголы, подвѣдомственные Тушету-хану, были въ высшей степени любезны и предупредительны. Мѣстный князь то и дѣло присылалъ ко мнѣ своихъ личныхъ адъютантовъ справиться о здоровѣи и о томъ, главнымъ образомъ, не имѣетъ ли экспедиція въ чемъ-либо нужду, такъ какъ на его нравственной обязанности лежитъ обычный долгъ облегчить невзгоды дружественныхъ Китаю русскихъ путешественниковъ, истомленныхъ многолѣтнимъ странствованіемъ по далекому Тибету. По своей инициативѣ хлѣбосольный ханъ прислалъ мнѣ въ подарокъ десять отличныхъ барановъ и кусокъ шелковой ткани. Съ своей стороны экспедиція не осталась въ долгу. Моему посланному ханъ нѣсколько разъ выражалъ свое сожалѣніе, что, будучи боленъ, онъ лишень возможности навѣстить меня и посмотреть на горсточку русскихъ людей, объѣхавшихъ огромный раіонъ, населенный самыми различными людьми, исповѣдующими, однако, одну общую религію—буддизмъ.

Отъ колодца Дэрэсунъ-усу до кумирни Кирэ-Юнцотэ, экспедиція слѣдовала въ области горъ, сначала Дэлгэрхангайскихъ, затѣмъ другихъ меньшихъ, съ востока и запада прилежащихъ къ дорогѣ.

Дэлгэръ-хангай представляетъ собою узкій скалистый кряжъ, наиболѣе высоко поднимающій свой острый гребень посерединѣ.

Въ этой, богатой кормомъ, мѣстности тамъ и сямъ виднѣлись группы цаганъ-дзере, за которыми украдкой охотились волки, устраивавшіе по ночамъ непріятные концерты. Изъ птицъ же чаще другихъ давали о себѣ знать больдуруки, саксаульня сойки, рогатые жаворонки и, высоко кружившіе въ небѣ, черные грифы; рѣже встрѣчались сокола и небольшие сычи; какъ на своего рода курьезное явленіе можно указать на одинокаго, отсталаго на пролетѣ, рыже-горлага дрозда, съ тревожнымъ пискомъ исчезнувшаго въ пустынь.

На отмѣченномъ разстояніи мы пересѣкли три дороги, по которымъ съ давнихъ поръ слѣдуютъ изъ сѣверо-западной Монголіи въ сѣверный Китай и обратно караваны со всякаго рода сырьемъ на востокъ и съ чаями на западъ. По этимъ же дорогамъ монголы прогоняютъ въ Китай много скота: верблюдовъ, барановъ, такъ называемый рогатый скотъ, и лошадей; говорятъ, что среди послѣднихъ встрѣчаются очень хорошіе иноходцы, препровождаемые обыкновенно монгольскими князьями ко двору богдыхана. Кромѣ того, по большимъ дорогамъ нерѣдко проѣзжаютъ китайскіе чиновники или двигаются казенные транспорты. Для сопровожденія и перевозки тѣхъ и другихъ вдоль главнаго пути проживаетъ отдѣльный хошунъ монголовъ, не пользующихся доброй репутаціей, такъ какъ они «не въ состояніи отличать чужой собственности отъ своей».

Монгольское населеніе, вообще говоря, стало встрѣчаться чаще и чаще. Каждый день мы также наблюдали компаніи монголовъ, закутаннхъ въ яманьи или козлиныя дохи, направлявшихъ изъ Урги. Съ этими проѣзжими мои казаки радостно вступали въ разговоръ. Курьезно, что монголы всерьезъ спрашивали моихъ спутниковъ: «правда ли, что вы сѣдаете ежедневно по десяти барановъ? что въ красныхъ ящикахъ везете полторы тысячи головъ убитыхъ вами тибетскихъ разбойниковъ? что, затѣмъ, усвоивъ привычку въ Тибетѣ вы и по пустынь ѣхали на быкахъ?» и многое другое въ этомъ родѣ.

Къ небольшой, но нарядной и чистой кумирнѣ Кирэ-Юнцостэ экспедиція пришла въ то время, когда здѣсь отправлялось богослуженіе, сопровождавшееся обычнымъ пѣніемъ и музыкой монастырскаго оркестра.

Въ послѣдніе дни октября погода испортилась: солнце закрылось туманомъ или облаками, посыпавшими землю тонкими снѣжинками. Встрѣчный вѣтеръ непріятно пронизывалъ; къ довершенію невзгодъ морозъ съ каждымъ днемъ крѣпчалъ. Между тѣмъ.

насталъ и ноябрь мѣсяць—мѣсяць, въ первыя три недѣли котораго намъ суждено было окончить свое караванное путешествіе и вступить въ Ургу.

Мы такъ привыкли къ передвиженію большими сорока-верстными переходами, что тридцати-верстный переходъ для насъ уже не «гобійскій переходъ», а нежелательная полудневка. Поэтому къ извѣстію проводниковъ о предстоящемъ съ кумирни Кирэ-Ююстэ переходѣ почти въ пятьдесятъ верстъ мы отнеслись очень одобрительно, хотя для этого перехода пришлось встать раньше обыкновеннаго и пуститься въ дорогу съ первымъ проблескомъ зари. Въ утреннемъ холодномъ воздухѣ висѣлъ туманъ, снѣгъ громко хрустѣлъ подъ ногами, когда мы, ввѣрившись опытности проводниковъ, пробирались на дорогу, темной змѣей извивавшуюся по равнинѣ и тонувшую въ утреннихъ сумеркахъ. Вступивъ на этотъ торный путь, караванъ прибавилъ шагу. Тѣмъ временемъ звѣзды поблѣднѣли, востокъ зардѣлъ яркой золотисто-багровою зарей; среди полной тишины вокругъ изрѣдка слышался лай собакъ, выдававшихъ присутствіе кочевниковъ. Еще позднѣе, свѣтовой горизонтъ расширился, на снѣжномъ полѣ стали выдѣляться темные движущіея островки табуновъ монгольскихъ лошадей, топотъ которыхъ доносился до нашего каравана. Наконецъ показалось и солнце, слабо свѣтившее сквозь густую пелену тумана, тогда какъ надъ головой открывался нѣжно-голубой сводъ неба. По мѣрѣ поднятія дневного свѣтила на западномъ небосклонѣ стало создаваться своеобразное свѣтовое явленіе: здѣсь появилась млечная дуга, началъ однообразно-блѣдная, затѣмъ, съ теченіемъ времени, принявшая нѣкоторое подобіе радуги съ огненно-золотымъ, зеленымъ и фіолетовымъ оттѣнками. Около девяти часовъ зимняя радуга незамѣтно исчезла; съ ея исчезновеніемъ прекратилось паденіе на землю тонкихъ, изящныхъ, блестявшихъ серебромъ, снѣжинокъ, обуславливавшихъ, по всему вѣроятію, и самое образованіе радуги.

Дорога была прекрасная, на первой половинѣ полого поднимавшаяся на невысокую гряду, на второй такъ же полого съ нея спускавшаяся къ небольшому соленому озерку Хара-тологойнынъ-норъ, на берегу котораго располагались двѣ большія юрты, приготовленныя для экспедиціи. У юртъ стояло до десяти лошадей и столько же людей, изъ которыхъ одинъ при моемъ приближеніи къ юртамъ вышелъ навстрѣчу и вручилъ мнѣ объемистый пакетъ, съ тремя большими консульскими печатами, и еще болѣе объемистый

свертокъ газетъ. Радости нашей не было предѣловъ: мы получили письма и газеты, которыхъ не держали въ рукахъ со дня оставленія Алтайской станицы.

Нашъ курьеръ Бадмажановъ блестяще выполнилъ возложенное на него порученіе. Урга и Кяхта уже знали о нашемъ приближеніи къ границѣ. Согласно моей просьбѣ «прислать ко мнѣ кого-нибудь», ургинское консульство командировало на встрѣчу экспедиціи одного изъ слушателей школы переводчиковъ—Колотова, который, такимъ образомъ, былъ первымъ русскимъ человѣкомъ, голосъ и родную рѣчь котораго мы услышали впервые послѣ двухъ съ половиной годового отчужденія отъ родины.

Съ нетерпѣніемъ я вскрылъ пакетъ и разсортировалъ письма; на время каждый изъ насъ отдался своимъ личнымъ интересамъ. Жадно просматриваешь строки писемъ, жадно впиваешься въ снимки-портреты: вотъ и мой сынъ, тотъ маленькій Володя, который остался съ своей мамой въ Москвѣ и который въ мое отсутствіе такъ выросъ, а вотъ и позднѣйшій портретъ жены... какая тихая радость! Тотъ, кто только самъ переживалъ подобныя минуты, пойметъ меня и проститъ мнѣ мою сантиментальность.

На утро—второго ноября—съ разсвѣтомъ мы снова въ пути, послѣдовательно пересѣкая мягко-волнистыя очертанія поверхности. Миражъ во всей прелести: оригинальныя фантастическія фигуры увѣнчивали вершины горокъ, наибольшая изъ которыхъ Мункутынъ-тѣна-ула по временамъ походила на гигантскій корабль, колыхающийся среди высокихъ волнъ разбушевавагося атмосфернаго океана. Пробѣгавшіе въ области миража монгольскіе даерены казались призраками.

У горы Хайрханъ Гоби угостила насъ такимъ сильнымъ снѣжнымъ штормомъ, подобнаго которому мы еще не видѣли ни разу. Вихреобразные порывы бури положительно сталкивали въ сторону огромныя верблюжьи фигуры, мелкій снѣгъ залѣплялъ глаза. Въ этотъ памятный день мы всѣ до единаго ознобили себѣ лица.

По мѣрѣ приближенія къ Ургѣ растительный покровъ Монголіи еще болѣе улучшается, а съ этимъ вмѣстѣ увеличивается и населеніе. Всюду виднѣлись монголы и ихъ стада; дороги были крайне оживлены пестрыми нарядными всадниками, быстро скакавшими въ ту или другую сторону. Наболѣе привлекали къ себѣ вниманіе кортежи монгольскихъ князей и старѣйшихъ ламъ, одѣтыхъ въ желто-красныя одежды. Появились и допотопныя скрипучія мон-

гольскія двухколесныя телѣги, длинными вереницами запруживающія дороги.

На предпоследнемъ переходѣ къ Ургѣ я получилъ отъ маститаго консула Я. П. Шишмарева, наканунѣ только возвратившагося изъ поѣздки въ сѣверо-западную Монголію, дружеское привѣтственное письмо; въ которомъ, уважаемый монголами, русскій генераль спѣшилъ засвидѣтельствовать его полную готовность пріютить «дорогихъ путешественниковъ» подъ гостепрѣимнымъ кровомъ русскаго консульства.

Спускаясь съ перевала Гангынъ-дабанъ, мы радостно привѣтствовали священную гору Богдо-ула, сплошь засыпанную снѣгомъ, на бѣломъ фонѣ котораго красиво выдѣлялись темныя, густыя заросли лѣса. На другой же день, седьмого ноября, обогнувъ ее у западнаго подножья и переправившись черезъ шумную, прозрачную Толу, экспедиція, вскорѣ затѣмъ, достигла и дома ургинскаго консульства.

Не берусь описывать тѣхъ радостныхъ чувствъ, которыми мы были переполнены, достигнувъ конца нашей трудной задачи, увидѣвъ родныя лица, услышавъ родную рѣчь.... Чѣмъ-то сказочнымъ повѣяло на насъ при видѣ европейскихъ удобствъ, при видѣ теплыхъ уютныхъ комнатъ, при видѣ сервированныхъ столовъ. Наша внѣшность такъ сильно разнилась и не подходила ко всему этому комфорту, что Я. П. Шишмаревъ не могъ не подвести меня къ зеркалу и не показать мнѣ —меня же самого. «Такимъ, какъ вы теперь, говорилъ Я. Н. Шишмаревъ, нѣкогда вступилъ въ Ургу и вашъ незабвенный учитель Н. М. Пржевальскій, отдохавшій вотъ въ этой большой комнатѣ, которую я приготовилъ для васъ!»

Въ теченіе недѣли мы отдыхали и приходили въ себя, окруженные самыми нѣжными заботами и вниманіемъ какъ со стороны консула Я. П. Шишмарева и его ближайшаго сотрудника В. В. Долбежева, такъ равно и со стороны временно-пребывавшаго въ Ургѣ военнаго кружка во главѣ съ генеральнаго штаба подполковникомъ Н. О. Домелунксеномъ. Каждый изъ соотечественниковъ старался оказать намъ ту или другую любезность и предупредительность.

Такимъ образомъ, время, проведенное въ Ургѣ, прошло незамѣтно. По дорогѣ въ Кяхту насъ хотя и донимали холода въ пути, но зато въ мѣстахъ ночевокъ мы чувствовали себя превосходно, попивая чай и читая газеты, журналы, которыми въ достаткѣ насъ снабдило консульство.

Кяхта и Иркутскъ своимъ широкимъ гостепріимствомъ заставили еще болѣе позабыть пережитыя невзгоды и лишенія, сочувствіе же Петербурга укрѣпило насъ въ сознаніи *посильно* исполненнаго передъ родиной долга.

П. Коваловъ.

